

18+

Юрий Кузнецов

Не
грустить!

Юрий Кубанин

Не грустить!

Юмористические рассказы

«Издательские решения»

Кубанин Ю.

Не грустить! Юмористические рассказы / Ю. Кубанин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-592694-4

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Над
чем бы люди не смеялись, в конечном счёте, они смеются над собой. И хотя
шутить оригинально — занятие не из простых, человечеству никогда не
надоест насмешничать. Недаром стала литературным трюизмом фраза Марка
Твена: «Мир уцелел, потому что смеялся».

ISBN 978-5-00-592694-4

© Кубанин Ю.
© Издательские решения

Содержание

Логика абсурда	6
Сказка о нуворише и Золотом Змее	7
Размечтался	11
Провал агента	15
К проблемам русского психоанализа	19
Ушлая личность	21
Самоубивец	25
Курьёзы гипноза	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Не грустить! Юмористические рассказы

Юрий Кубанин

Дизайнер обложки Юрий Кубанин

Иллюстратор Иллюстрация с сайта Pixabay.com

© Юрий Кубанин, 2025

© Юрий Кубанин, дизайн обложки, 2025

© Иллюстрация с сайта Pixabay.com, иллюстрации, 2025

ISBN 978-5-0059-2694-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Логика абсурда

Советское время. Туркменистан. По зыбучим пескам Каракумов, обливаясь потом и тяжело переставляя ноги в снегоступах, бредёт чукча. В меховой парке, с охотничьим карабином за спиной. Останавливается, долго смотрит в безоблачное знойное небо и говорит: «Парниковый эффект, однако». Затем отворачивает левый рукав парки, обнажая запястье с дешёвым школьным компасом на тонком кожаном ремешке. Поднимает руку вровень с глазами, прищурясь, через визир намечает далекий бархан строго на севере...

Перевалив через намеченный бархан, вдруг упирается в забор из двадцати рядов колючей проволоки. В обе стороны, куда достанет глаз, сплошной «железный занавес», и ни души вокруг.

– Смотри-ка, – озадачивается он. – Откуда взялся, однако?

Испытав пальцем остроту колючек, достает из кармана многоцелевой складной походный нож и организует из него кусачки. Начинает резать проволоку...

Работа подходит к концу, и тут... Как из-под земли вырастают пограничники с собакой. С криком: «А ну, стоять! Стрелять будем!», – валят бедолагу на песок.

Через какое-то время подъезжает автомобиль с тревожной группой во главе с лейтенантом.

– Сержант Сердюков! Доложите обстановку! – строго требует офицер, обращаясь к старшему пограничного наряда. – Кто подавал сигнал: «Прорыв в сторону сопредельного государства?»

– Я, товарищ лейтенант! – возбужденно рапортует Сердюков. – Вот, в Иран пытался уйти, сволочь!

«Нарушителя» без церемоний ставят столбиком.

– Какой Иран, однако!? Почему сволочь? – лепечет чукча, отплеываясь от песка. – Оймякон иду! Домой, однако!

– Ври, да не завирайся! – одёргивает его офицер. – Оймякон твой где? На севере, так!?

– На севере, однако... – подтверждает пленник.

– А Иран где? На ю-ге! – праведно негодует офицер. – Понял, однако? Тьфу, черт!.. Отсюда до твоего севера – как до Китая по-пластунски!

– А это что, не север, начальник?! – тычет чукча рукой за дыру в заградительном заборе. – Смотри!

С этими словами вновь выпрастывает из рукава парки запястье с компасом. Дрожащими от волнения пальцами дёргает фиксатор. Стрелка, колыхнувшись, описывает полукруг и синим концом уверенно указывает на Иран за дырой, зияющей в колючем проволочном заграждении.

– Север? – победно вопрошает чукча.

– С-с-север... однако... – с округлившимися глазами нерешительно соглашается офицер.

Чукча стряхивает с плеч удерживающие его руки пограничников:

– Сторонись, начальник!..

А всё почему, читатель? А всё потому, что Семёныч – рабочий фабрики школьных пособий в далёкой Калуге, пришёл на работу как-то в понедельник с большого бодуна. И, не похмелившись, по ошибке не тем концом сунул магнитную стрелку в тазик с краской синей. И, соответственно, не тем – в тазик с красной...

А вы говорите, есть незывлемые вещи!..

Сказка о нуворише и Золотом Змее

Вопрос больше к молодёжи. Знаете, кто такой нувориш? Дословный перевод – новый богач. На самом деле, это богач, которому ничто в мире уже не ново. Везде-то он уже побывал, всё-то он уже повидал, всё-то и всякое перепробовал. Имеет пентхаус в Москве, дом в Подмосковье, виллу в Калифорнии, виллочку на Сейшелах и, для разнообразия, бунгало в Гонолулу. Тот, у которого из болезней только болезненное самолюбие и чья любимая поговорка: «Если ты такой умный, то почему такой бедный?»

И вот, едет как-то раз один такой нувориш, назовём его Роман, в крутом авто домой с корпоративной вечеринки. На чьей-то даче гуляли, а на чьей – с бодуна трудно сказать. И места за ветровым стеклом все чего-то незнакомые, по симптоматическому беспамятству. Навигатор ещё, как назло, заглохнул.

По правому борту, за ровным штaketником, чужой сад тянется. Захотелось Роману сушняк во рту фруктовым соком освежить, тормознул он у забора, вышел, вправо-влево глянул, да и перемахнул через ограду.

А сад, надо сказать, дивной красоты. Неухоженный, но весь какой-то райский. Подле каждого растения – табличка, с указанием сорта. Где – арабской вязью, где – кириллицей, где – латиницей, где – китайской грамотой. Стал Рома промеж деревьев шастать, дары Матушки-Природы пробовать – всё не по вкусу! То кисло, то приторно, то чужеземно...

Вдруг, видит – особняком яблоня стоит. Раскидистая, роскошная. Возле – тоже табличка в землю воткнута. «Зладобранет запретный» – значит на ней на чистом библейском языке. Как же! Испугался он запретчиков!..

Высмотрел Рома на верхотуре самое большое, самое аппетитное яблоко и полез сноровисто. Да не заметил снизу, что рядом с заветным плодом на ветке змеиная голова покоеится. Золотистая сплошь и с бронзовыми разводами. Очередную дамочку, на сладкое падкую, как преданием предписано, поджидает, подрёмывая. А с земли-то мимикрию эту и не видать!

Потянулся, было, Роман за фруктою, тут Змей и встрепенулся!

Уставился чёрными глазами-бусинами, не мигает. А воришка с дерева переспелой грушей обрываться и не подумал! Замер, но колени, чувствуется, не трясутся. Ни один листик на яблоне не дрогнул.

Ладно. Нагоню, думает рептилия, на дурака страху. Печатно же сказано – дамочку поджидаем! Или не читал Писания, что ли?

Нахмурился Змей грозно, язык раздвоенный выпустил, и ну им дурака стращать! От таких видов у людей завсегда мурашки крупнее помидора выскакивают, в чём Змей неоднократно за свою сказочно долгую жизнь убеждался.

А дурак возьми, да не испугайся! И более того, не будь дураком, одной рукой покрепче за ветку зацепился, другую выпростал и... – хватъ Змея за глотку! Точнѐхонько за скулами. Как змееловы учат.

У гада округлились глаза. От неожиданности он даже язык прикусил. Попробовал судорожно сглотнуть, да ничего не вышло. Чисто клещи у воришки пальцы!

– Попался, червяк! – говорит он беззлобно (типа, ничего личного).

Хотел, было, Змей, как сказки обязывают, взмолиться человеческим голосом, да где уж! Прошипел только что-то невнятное.

– Во, дела! – говорит Рома тем временем то ли Змею, то ли самому себе. – Братва, как мода на экзотику пошла, за всякую нечисть баксы мешками выкладывает, а мне, смотри-ка, даром подфартило!

Прихватил Змея половчее за шею и на землю прыг! Пришлось и Змею срочно кольца бронзового тела с веток распускать, чтобы без башки не остаться.

Шлёпнулся он оземь, и потащили его кишкой безвольной к машине...

В багажнике ему даже понравилось. Велюр кругом и не сквозит. Иномарка, словом.

Приехали. Открылся багажник, ударило солнце в глаза. Прищурился Змей после темени, а размежив очи, увидел домик о четырех этажах и подворье. Одним концом оно уходило за опушку неблизкого леса, другим спускалось к водохранилищу с белоснежной яхтой у пристани. Рядом ещё три-четыре таких же весёленьких, как мухоморы, домика стояло. Дальше, куда глаз доставал, избишки серые поганками понатыканы, что твоя деревня. И никаких признаков среднего класса.

Чувствует Змей, опять его горло за скулами будто тисками сжали и волокут.

– Посажу-ка я тебя, братан, к кроликам. Для симбиоза, – говорит Роман.

«Для биоценоза», – хотел поправить Змей, но вовремя передумал. Умничать, как он догадался, себе дороже. Если не ты начальник.

Подтащил его Рома к вольеру, собрался было за сетку рабицу перекинуть, да вдруг спохватился:

– Ты, часом, не землеройный? – спрашивает.

Замотал Змей головой отрицательно, а глаза-то... в сторону скосил.

– Тэ-экс!.. – протянул Роман с укоризною. – В хитрована со мной поиграть вздумал? Смотри у меня!

И определил трофей в плавательный бассейн.

– Посиди пока тут, к вечеру тебе хавки принесу, – пообещал он, как вода сошла.

И ушёл, довольный.

Поторкался Змей башкой в твёрдый кафель в поисках лазейки – нет выхода! Слив тоже зарешёчен, да и не по его калибру. Деваться некуда – свернулся в углу клубком, будь что будет.

Вечером-таки объявился Рома на бортике бассейна. В правой руке кроля обещанного за уши держит, левой – деваху молодую обнимает. Кра-аси-ивую...

– Вишь, – говорит, – Ириш, халява какая охренительная отломилась... Ништяк экземпляр?

Тут Змей человеческим голосом и молвит:

– Отпусти, – говорит, – меня на волю, добрый человек. Я за это любое желание твоё исполню.

Опешили было визитёры от неожиданности, но быстро оправались. Обрадовались даже.

– Понтово! – смеются. – Теперь мы Кирюху Бугрова с его говорящим попугаем за пояс влёгкую заткнём. Подумаешь, десяток слов птица каркает, и те все нецензурные! А тут целый Цицерон, а не пресмыкающееся. Держи, нахлебник, зайца. Утешься. Утром потолкуем.

И ушли в обнимку в дом.

Утром Змей заставил себя проснуться ни свет, ни заря. Тезисы готовить. По всему выходило – крепкий орешек был этот Рома. Но ничего другого, как накинуть исполнение ещё одного желания взамен свободы, Змей так и не выдумал. Сытость мешала.

– Да какие у меня могут быть желания! – возмутился Роман. – Ты что, слепой? Хибару выше четвёртого этажа не вывожу, потому что высоты боюсь. По той же причине вертолёт не покупаю!..

– А зачем же тогда за яблоками полез, коли так упакован? – удивился Змей.

– Для адреналину, браток. Обожаю экстрим экспроприации. С детства. С этого, можно сказать, и живу. Знаешь, что такое адреналин? – спрашивает.

Ещё бы Змею не знать! Он тайком, с удовольствием пошевелил во рту всё ещё слегка припухшим, но уже отмякшим языком. И припрятал его подальше за щеку. Бережёного, как говорится...

– Ну хорошо, – сказал после некоторого раздумья Змей. – Ну, хочешь тогда... хочешь, я весь мир вокруг тебя счастливым сделаю? Если матценности тебе уже не в кайф.

– Э-э-э, нет! – прервали его. – Мне, наоборот, нравится, когда сосед, тоже не из последних людишек, из-за забора на мои хоромы с завистью смотрит. Я так себя уверенней чувствую...

На следующий день, скрепя сердце, Змей решил, что три желания (ведь любых же!!!) – это уже запредельная цена.

– И кто только догадался сделать змею символом мудрости? – подколот Змея Роман. – Торгуешься, как последний китаец! Попугаю Кирюхиному хочу тебя показать, чтобы спесь им обоим слегка сбить. Вот какое у меня желание! Так оно и без твоей ворожбы сладится. Всё, отстань!

– Ну, погоди! – взмолился Змей. – Может... супруге хочется чего-нибудь... нового... необычного?..

– Это Ирке-то? Сомневаюсь, – Рома стал перечислять. – Бриллиантовые зубы уж три года как ей поставили... Кришнаиткой она уже была... С Первой Леди она и так давно в приятельстве, в баню вместе даже ходят... Групповой секс ей не пошёл чего-то... Фейерверки она у меня обожает, это да. Под это дело военные из ВКС выстрел баллистической ракетой в покер мне продули. В одной компании, тому с месяц как. Продули, да замялись чего-то. Уже на трезвую-то голову... Но в этом деле я их и без твоей помощи дожду. Карточный долг, сам понимаешь, посвяtee воинской присяги будет. Так что... Прямо и не знаю, чем тебе в твоём горе помочь можно. Извини, братан, отдыхай...

От отчаянья Змей свернулся клубком и голову в кольцах бронзового тела спрятал. Через некоторое время чувствует, кто-то в него палкой тычет.

– Кончай ночевать! – взбудрил Роман Змея. – Фишка тебе пошла! Ирке моей втемяшилось, хочу, говорит, разик девочкой ещё заделаться. Молодость, типа, вспомнить, трепет новизны испытать, в койке стариной тряхнуть и всё такое... Можешь?

– Спраш-ш-шиваешь... – оживился Змей.

– К вечеру-то справишься? А то сегодня она как раз в настроении...

– Не бес-с-покойся...

Ах, какой же он был самонадеянной тварью! Не прошло и трёх минут, как на краю бассейна опять возник Рома. С бейсбольной битой в руках.

– Ты чего наделал, гадёныш!!! – орал он. – Я тебя, опарыш, о чём просил? Ирку на вечерок опять целкой сделать! А ты что наделал, гад! Что я теперь с ней, с пятилетней, делать буду? У меня ж на неё все активы переписаны!

Змей побледнел как платина. Откуда ж ему было в филолого-анатомических тонкостях русского языка разбираться. При каждом взмахе колотушкой перед его носом он зажмурился и бился затылком об угол бассейна.

– Что мне теперь! На папёрть идти? – бесновался Рома. – А ну, возвращай всё, как было!

– Не... не... Не могу... – от страшного волнения Змей начал заикаться.

– Как это – не могу!? – колотушка вознеслась выше некуда.

– Ис... Ис... Ис... – Змей собрал всю свою волю и сосредоточился на артикуляции. – Исполненные желания обратной силы не имеют.

Закрыв глаза и приготовился умирать. Хотя до этого жил вечно.

Тираду Романа, печатными в которой были только восклицательные знаки, полагаю, каждый в состоянии представить. И вдруг – тишина...

Змей, уже мысленно расставшийся с жизнью, приоткрыл глаза... Видит, стоит Роман, колотушку заморскую на плече упокоил, думает...

– Три желания, говоришь? Значит, два ещё осталось? Тогда так! Меня пацаном оборачивай – раз! И обоих, Ирку и меня, отправляй в прошлое – два! Придётся всё снова повторить. Ты как, способен?

– Ка-анеш-шшно... Только...

– Ток-ка не надо базара, братан, – прервал его Роман. – А то я в тебе разочаруюсь.

– Только... Время – материя своенравная, событийно непредсказуемая. Никаких гарантий, что всё в судьбе повторится в точности, нет – честно прошипел Змей.

– Ну, это мы ещё посмотрим! – с вызовом сказал Рома. – Делай!

– Я предупредил. погоди! Меня-то из бассейна вытащи. – Змей вытянул шею, насколько достало.

Ох и цепкий же этот Рома! Однозначно. Вдругорядь чуть не придушил. Из бассейна за глотку вытащил, но хватку до исполнения желаний не отпускает.

– Х-хотоф-ф? – спрашивает Змей сипло сквозь тиски железных пальцев.

– Готов! – отвечают ему.

И в ту же секунду упал Змей на бортик бассейна. Рядом бита бейсбольная с деревянным звоном брякнулась.

– Ф-фух!... – вздохнул Змей с облегчением. – Бывает же такое! Расскажи кому – не пове-
рят...

Отдышался и пополз, не спеша, в сторону крольчатника. За компенсацией морального вреда...

А в это время, тридцать лет назад, где-то в СССР – теперь уже почти мифической стране, звенел ребячьими голосами обычный детский сад. Малышня истово предавалась гулянию. В песочнице было не протолкнуться. Пятилетки, сопя от здоровой конкуренции, наперегонки лепили песчаные замки. Все сплошь с гаражами.

За этой пустопорожней вознёй, поедая спелое яблоко, наблюдала маленькая девочка. В красном платьице, с крохотными золотыми серёжками в ушках.

– Эй, Ирка – дырка! – что-то пряча за спиной, подошёл к ней мальчишка. – Дай откусить!

– Если каждому давать – поломается кровать! – со знанием дела ответила девочка, даже не глянув на просителя.

– А не очень-то и надо! – мальчик явил из-за спины руку с большущим яблоком, с хрустом надкусил.

– Ломка, длуг! – жизнерадостно закартавил подбежавший пацан в застиранной рубашке. – Солок восемь – половину плюсим!

– Сорок один – ем один, – бесстрастно и твёрдо парировал Ромка.

Очевидно, иного ответа и не ожидая, радостный оборвыш исчез невесть куда так же, как и появился.

Мальчик и девочка, Рома с Ирочкой, молча стояли рядом. Скептически созерцая бес-
предметное копошение сверстников, аппетитно брызгали по сторонам яблочным соком и были совершенно счастливы. Всё недолгое детство.

Размечтался

Родион Оскольников – Родя, по дворовому прозвищу «Осколок», – созрел медленно, но верно. Разразившаяся на его веку «перестройка» с нагрянувшим вслед за ней диким рынком многих вышибли из колеи. Лечь спать среднестатистическим гражданином, а проснуться человеком с минимальной потребительской корзиной – не каждая психика безболезненно выдержит. Массы толпами ринулись за безрецептурным народным антидепрессантом. В первых рядах оказался и Родя, поскольку всегда был как все, то есть – среднее не бывает. Плюс непрактичность и нерасчётливость, да плюс трояк по арифметике, да плюс... много ещё чего, с чем не ходят в капиталистические джунгли. В результате, Родя оказался без работы, жены, семьи и бездны прочих вещей, в число коих вошла и потребительская корзина, невзирая на свою минимальность.

Кое-что, правда, сохранилось из мебели: две кухонных табуретки, раскладушка и старый телек на подоконнике. Последний Родя ценил более всего, ибо второй его слабостью, после выпивки, был синематограф.

Чем манило кино? Очевидно, виртуальной простотой и ясностью решений проблем, неразрешимых в реальной жизни. Всем жанрам Родя предпочитал боевики. Особенно те, в которых угнетаемые Робин-Гуды с шиком брали в каком-нибудь паршивом банке хороший куш и благополучно сматывались. О, это была греза! С некоторого времени преследовавшая Родю во сне и наяву...

Вот он входит, и с порога – властно, с металлом в голосе: «Это ограбление! Все на пол! (это – присутствующим). Быстро сюда деньги! (это – кассирше). Одно движение – вышибу мозги! (это – охране)»...

И вкруговую, в правой вытянутой руке – ствол. С хищной жадной мушкой на конце.

Дальше шло самое сладкое. Застывали, демонстрируя полный паралич воли, охранники. Бледнела случайная публика. Дрожащие пальчики кассирши нервно набивали брошенную Родей безразмерную сумку тугими пачками. И, наконец, апофеозом всему – хладнокровный отход с добычей под вежливо-джентльменское: «Всем спасибо!..»

Итак, созрел Родя медленно, но верно. И сам не заметил, как созрел. Хотя персонально ему большие деньги были без надобности. Могучие финансовые возможности триумвиратов общеизвестны. Минимализм остальных житейских запросов Родю не тяготил.

Деньги были нужны по другой причине. Осуществить уже совсем не киношную мечту. Позвонить в дверь. Подождать. И, когда откроют, оттереть плечом в новеньком кожаном пиджаке из проёма удивлённую Зинку. Молча пройти на тётшину кухню. Бухнуть на стол тяжёлый свёрток и гордо удалиться. Даже не взглянув в наполнившиеся слезами запоздалого раскаяния глаза. А потом... Что потом? Потом он в пустой полутёмной комнате, доставшейся после развода и разъезда, спокойно и мужественно будет поджидать, когда ищейки нападут на его след. Ворвутся и возьмут его – сильного и благородного. Но только без поличного, голубчики! Даже под пытками Родя ни словом не обмолвится, куда подевались деньги.

То, что он обязательно наследит, Родя не сомневался. Уж чего-чего, а детективов, где криминалисты находят преступника по случайно оброненному волоску, он понасмотрелся, тут его на мякине не проведёшь. Посему, скрупулёзно разрабатывать детали отхода не имело смысла. Были задачи поважнее. И наипервейшая – выбор оружия.

Справедливо полагая, что спешка в таком деле до хорошего не доведёт (не за грибами собрался!), Родя обстоятельно обошёл магазины игрушек. Пока, наконец, не остановил свой выбор на внушительном пластмассовом «Кольте» 45 калибра в масштабе 1:1. Настоящем оружии «крепких орешков».

Дома, выхватив, пару раз для пробы, приобретение из нагрудного кармана плаща, Родя в целом остался доволен. Но... какая-то чепуховина настораживала. Повертев игрушку так и эдак, Родя уловил. Недоставало воронёности. Отлива. Брать на испуг предстояло по-взрослому, готовиться, посему, следовало тоже по-взрослому...

При всем известной Родиной сметливости получить превосходный результат с помощью растительного масла не составило труда. После чего в зеркале, как на киноэкране, по части блеска амуниции всё сошлось. Вот, поди ж ты – деталька, а как могла подвести!

Ноу-хау имело один минус. Плащей у Роди было не завались. Прятать обратно в карман достаточно ещё приличной вещи кусок обмасленной пластмассы ему претило. Однако, Родя был бы не Родя, если бы и тут не вывернулся. И часа не прошло, карман был вполне качественно выстелен и обшит изнутри полиэтиленовым пакетом. Пистолет аккуратно лёг до поры в назначенное ему ложе. Теперь многое в жизни Роди зависело от того, кому первым посчастливится выхватить свою «игрушку». Вестерны Родя тоже уважал.

Настал черёд определиться с жертвой. Жил Родя, разумеется, не в банковском районе. Но повсюду теснились коммерческие палатки и магазинчики типа «ООО», ограниченность ответственности которых совсем не означала ограниченности доходов. «Возьму тот, в котором окажется меньше народу, лишние свидетели ни к чему», – подумал Родя. Главное – не в своём районе. Правильно рассудил.

На маску решил не тратить. Безусловно, сыскари озаботятся его фотороботом – это ж классика жанра. Но, господа, когда у трети мужского населения страны на физиономии одно и то же озабоченно-синеватое изображение... Поди разбери, кто есть кто, и кто был кем. Особыми же приметками, к примеру, носом с горбинкой, косоглазием, или же кровожадным взглядом душегуба Родя не страдал.

Последним предметом экипировки стал мешок для добычи. Родя разжился тремя пакетами-«маечками» и, вложив их один в один, ещё и ручки переплёл скотчем (сыщики просто поразятся его предусмотрительности!). Теперь, случись Роде зацепиться пакетом обо что-нибудь, уходя от погони, внутренние подстрахуют. Опять же, ручки стандартно рассчитаны только на три килограмма пищевых продуктов. Деньги хоть продукт и не пищевой, но могли потянуть, хотелось бы верить, килограммов на пять. А с железной мелочью, глядишь – и все семь.

За неделю до «акции» Родя решил не бриться. Не из суеверия, чисто для усиления камуфляжа. Дождавшись хороших сумерек, принял «посошок» на удачу, собрался и вышел.

Ещё на этапе подготовки Родя присмотрел пару подходящих магазинчиков на отшибе торговых рядов, ближе к задворкам. Свезло в первом же, куда он зашёл. За прилавком сучала юная продавщица, в углу на стуле мучился с кроссвордом пенсионер-охранник. По просительную сторону прилавка, помимо Роди, приценилась к товарам старушка, да на широком подоконнике сортировал горстку медяков какой-то бомж. Родя притёрся к прилавку и сунул правую руку за отворот плаща, якобы за портмоне. Девчонка обратила к нему взор с неммым вопросом: «Чего вам, гражданин?»

Родя взялся за ребристую рукоять игрушки. «Пора!»

– Это грабёж! – внезапно фальцетом выкрикнул он.

И обомлел. Так глупо оговориться! Да и с манифестом он поторопился. Дурацкий пистолет прилип жирными боками к целлофану в кармане плаща и не желал выхватываться. Ни в какую...

Немой вопрос в глазах продавщицы сменился немым же недоумением. Охранник сонно посмотрел на Родю.

Моральная поддержка пришла, откуда не ждал.

– Истинно – грабёж! Спички по руpee двадцать! Когда такое было! – первой стала на сторону Роди бабулька. – Ох, нету на них Сталина, на супостатов!..

– Точно, грабёж! – согласился бомж у подоконника, успевший разложить медь на кучки. – Копеечный спирт по подвалам бодяжат, водку палят и, гля, чего накручивают!

– Это грабёж... – упавшим голосом вновь оговорился Родя. – В смысле – ограбление... – едва ли не шёпотом поправился он.

И вдруг с ужасом ощутил, как стремительно пошёл процесс явления оружия народу. Запахло постным маслом.

Девушка взвизгнула и козой скакнула в распахнутую у неё за спиной дверь подсобки. Охранник упал на пол и пополз окапываться куда-то под стеллажи.

И тут...

Сразу два дядьки Черномора, в полной полицейской форме, вышли дозором из пучин подсобки. Один что-то набитым ртом дожёвывал. Вторым, судя по лычкам на погонах и короткоствольному автомату на плече – старший, на ходу надевал фуражку. И тоже что-то дожёвывал.

Ничего себе поворотец, да?

И Родя засбоил. Воспитанный на михалковском «Дяде Стёпе-милиционере», стрелять пистонами по своим он не стал. И правильно (как потом задним числом осознал) сделал. Иначе, не миновать бы ему психушки...

Намётанный глаз и высокий профессионализм дорогого стоят. Это Родя оценил сразу, что называется, не отходя от кассы. Получив резиновой палкой по рукам и выронив игрушечный пистолет, он не проронил больше ни слова. До слуха доходили лишь причитания бабки: «Мыслимое дело – людей оружием пугать! Креста на них нету! Совсем разохальничались, без окороту-то!...»

Но окорот был.

Профилактиковали Родю правоохранительные органы уже на свежем воздухе. Спасибо ребятам, в околоток не забрали. Вот уж где отколотили бы, так отколотили! А эти трудились беззлобно, не стервнясь. Уважение к пацанским понятиям прививали в щадящем, можно сказать, режиме. Назидательно больше.

Вокруг, как и во времена писателя Андрея Платонова, «...по вечерам обыватель торопился домой, где ждала его как-никак пища». Поскольку разборки с участием людей в форме с некоторых пор случаются по миру с известной регулярностью, прохожие безосновательно тревожиться не стали. Разве что притормозила пара-тройка зевак. Из тех, наверное, кто по телевизору ещё не посмотрелся...

К реальности Родю вернул запах мочи. Нет, свою, слава богу, он, как объект профилактики правонарушений, сдержал. Просто спрос на «пописать» был и остаётся, пожалуй, единственным в отечестве спросом, не родившим бурного ответного бизнес-предложения. Поэтому репутацию частнособственнических устоев, утвердившихся на Российских просторах, подмачивают, по законам естества и по мере нужды, все. Как физические, так и юридические лица. Хотя таинство, по какой-то остатней первобытной привычке, в массе своей, вершат всё же на задворках.

В этой, выражаясь газетным штампом, нездоровой экологической обстановке и нашёл Родю бродяга из магазина.

– Что, братан, отоварили по самое не балуйся? Да ты лежи, лежи... Не шевелись, а то вдруг – перелом какой... с ментами не пошуткуешь, уж я-то знаю... Ты погоди, я щас малость поправлюсь, пособлю тебе.

Не предлагая Роде, засосал купленную в магазинчике четвертинку. Занюхал рукавом.

– Ты извини, самому – в обрез. Ради неё, братан, почитай, день шакалить приходится. Фамилия-то твоя как? – спросил деловито, извлекая из глубин замызганного сидора (бывают же необъяснимые вещи!) смартфон.

И неожиданно твёрдым и настойчивым голосом умудрился вызвать к Роде «скорую», то и дело уточняя у того паспортные данные, очевидно, по требованию диспетчера.

– О-так вот! – победно резюмировал бомж. – Положено по конституции работать – работайте! Ты, главное, лежи, не двигайся. А то, приедут, если что не по-ихнему – заругают. Уж я-то знаю...

Прибывшие, не сказать, что скоро, ребята методом бригадного подряда рывком привели Родю в вертикальное положение. Обнаружив у гражданина вкупе с умением держаться на ногах ещё и безоговорочную неплатёжеспособность, быстро и вслух поставили диагноз: «Вот, блин, с-суки, как нажираться, деньги находят!..» С чувством глубокого, но исключительно морального удовлетворения от хорошо и слаженно проделанной работы, отбыли.

– Говорил же – заругают... – подвёл черту событиям вечера бродяга. – Ну, бывай, братан...

Посидев на скамейке у ближайшего дома и окончательно придя в себя, Родя побрёл домой. Мечты о визите к бывшей супруге Зинаиде в облике новоявленного Креза блекли и обретали всё более неясные и далёкие очертания...

Провал агента

Об этой тайной операции мало кто знает. Закрытая тема. Только посвящённые в курсе событий. Мне о ней стало известно совершенно случайно, но из весьма конфиденциальных источников, усомниться в правдивости которых способны только отъявленные скептики, такие, к примеру, как я. Не исключено, что и вы, читатель. Однако, по порядку, хотя дело уже прошлое.

В плане подготовки чемпионата мира по футболу ФИФА решила проверить, в числе прочего, российскую систему безопасности на воздушном транспорте, что называется, на вшивость.

Металлоискатели, газовые анализаторы, рентгеновские сканеры и компьютеры давно себя зарекомендовали, чего не скажешь о человеческом факторе. Разработчиками операции решено было провести проверку комплексно и нестандартно.

Майор Интерпола Джеймс Понт, он же – агент 777 в секретной картотеке, вальяжно, как и подобает интуристу, вошёл в терминал крупного столичного аэропорта. Ознакомившись с табло и указателями, для начала проследовал в комнату для джентльменов. Несмотря на чин старшего офицера и солидный опыт участия в рискованных операциях, Понт нервничал. Его предупредили о непредсказуемости русских, поэтому проконтролировать всё лишний раз не помещает. Соблюдая правила конспирации, он уединился в кабинке и вжикнул молнией модных брюк.

«Потею как зелёный летёха. Слава богу, фитиль не отсырел, – с облегчением подумал Понт. – А и головастые же ребята сидят в отделе планирования операций! Электронный детонатор, куда его ни спрячь, наверняка засветится в рентгеновском сканере, а трутовый запал – попробуй – засеки, тем более, такой крохотный кончик. Да, знали прадеды толк во взрывотехнике»...

Покинув туалет, уверенной пружинистой походкой агент 777 направился к стойке регистрации. После месяцев тренировок с половиной кило силикона в сигме, двести граммов динамита практически не создавали дискомфорта в промежности.

– Путешествуете налегке? – аэропортовский клерк был сама учтивость. – Пожалуйста, вот бирка на ручную кладь. Ваш сектор – «Би», выход на посадку номер три. Зона досмотра налево.

В зоне досмотра Понт, как и все, сложил обувь, брючный ремень, часы и мобильник в пластиковый короб, и вместе с дорожным саквояжем оправил это всё в жерло сканера. Прошёл через магнитную раму, не без приятного трепета дал себя ощупать симпатичной девушке в униформе.

– Икскьюз ми! Это ваша сумка? – спросил на сносном английском человек у монитора сканера.

– Да, мой. Можете говорить на русский. Я свободно говорить на русский, – не дрогнул ни единым мускулом Понт. В саквояже, он знал, были только кое-какие отвлекающие мелочи.

– Это у вас зажигалка? – ткнул пальцем в монитор дежурный.

– Да, есть. Презент другу.

– Не положено. Сожалею, но придётся оставить. Вон там – корзина для конфиската.

Понт извлёк зажигалку и бросил её в корзину, где уже были две початые бутылки водки, полдюжины бутылок с недопитым сидром, с десяток зажигалок, флаконы с шампунями, ножницы из маникюрных наборов и ещё какая-то мелкая всячина.

– А это что? – постучал дежурный по квадратной тени на мониторе.

– Это? Это есть парфюм. Афтер шэйв. Гигиена. Разве нельзя?

– По сканеру – сто пятьдесят миллилитров у вас. В одном флаконе можно не больше ста. Увы, вынужден вас попросить и это тоже оставить.

– А... как это... клоак-рум...

– Камера хранения?

– Да. До мой возврат хранить...

– Мы на хранение ничего не принимаем. Автоматическая камера хранения есть, но находится в другом терминале.

– Не близко?

– Ну, как сказать... Запоминайте. Возвращаетесь ко входу в наш терминал, поднимаетесь на третий этаж, затем по воздушному переходу – в соседний терминал, там спускаетесь на цокольный уровень, находите сектор «Ди», поворачиваете налево, метров через сто находите бутик «Анжелла», прямо за ним будет коридор, дуйте... э-э-э... прошу прощения, идите до упора, там в конце увидите автоматические ячейки, пятьдесят рублей всё удовольствие. Потом бегом опять к нам на досмотр.

Агент Интерпола начал багроветь, но с помощью буддистской психотехники восстановил самоконтроль. «Окей, ничего личного. Служба есть служба», – подумал он, и решительно швырнул флакон с дорожным французским лосьоном в корзину с конфискатом. И вежливо спросил:

– Сорри, а куда всё это... – Понт указал на содержимое корзины, – потом девается? Чисто, для, интересно.

(Наверняка, читатель, вы подумали, что в предпоследнем слове последней фразы – опечатка. Ничего подобного. У Джеймса была пятёрка по русскому сленгу. В оригинале, как учили лингвисты Лэнгли, слово начинается на вторую букву русского алфавита. Но он допустил оплошку. Простим ему. Разволновался.)

Услышав раритетный вопрос о судьбе содержимого корзины с запрещёнными к провозу предметами, дежурная смена всем составом разом посмотрела на агента 777.

– Куда мы деваем конфискат? Выбрасываем в пропасть, – ответил за всех клерк у монитора на полном серьёзе.

Дежурная смена дружно деликатно ухмыльнулась. Понт не понял прикола, но удовлетворённо кивнул. А про себя подумал: «Хорошо, что меня предупредили о загадочной русской душе. Не забыть бы после задания спросить у препа-лингвиста, что означает эта идиома – выбросить в пропасть?»

Покидая зону досмотра, Джеймс мысленно подвел промежуточный итог: «С таким техническим прогрессом скоро жидкости можно будет провозить только в мочевом пузыре, а алкоголь в печени».

Довольный в целом успешным ходом операции, Джеймс устроился в холле ожидания и занялся созерцанием фланирующих в безделье пассажиров. И вдруг похолодел. К его скамье неспешно приближались двое полицейских со служебной собакой-боксёром на поводке. Наверняка псина натаскана на взрывчатку и наркотики. И точно! Поравнявшись с Понтом, пёс остановился как вкопанный, пустил слюну и строго на него посмотрел. У Джеймса рефлекторно сработала аромазащита. Животное брезгливо сморщилось и потащило кинолога прочь.

«Даром, что ли, приходится терпеть кличку лаки-скунс! – подумал Понт. – Пронесло. Правда, кажется, слишком крупнодисперсно».

Он поспешил в туалетную комнату, где подтвердились его худшие опасения. Фитиль был безнадежно мокр. А без него динамит не опаснее детского пластилина. Нанесённый на подметки штиблет наносостав из охотничьих спичек стал неактуален. Что ж, на случай форс-мажора эти яйцеголовые из отдела разработки операций придумали план «Б». Блеф.

В горизонтальном полёте по маршруту Москва-Сочи Понт подозвал к себе стюардессу и вручил ей заранее заготовленный листок из блокнота. В нём печатной кириллицей значилось: «У меня в кишечнике бомба. Летим в Берн, Блюменштрассе 9. Иначе, пф-ф-ф...»

Аналитики Интерпола божились, что текст поймёт даже ребёнок. Ибо к 17 годам любой россиянин как минимум 17 раз посмотрит культовый русский фильм «17 мгновений весны». Также Джеймса заверили, что русское «пф-ф-ф» – это полный аналог английского «бэнг-г-г».

– Прошу передать это капитану, – произнёс Понт.

Стюардесса пробежала глазами бумажку.

– С зелёным горошком в салате переборщили? – спросила участливо.

– Оставьте шутки в себе! – сурово парировал Джеймс.

– Я сообщу о вашей просьбе командиру, – мило улыбнулась бортпроводница.

И через минуту вернулась в сопровождении молодого человека в форменной фуражке и кителе пилота гражданской авиации с нашивками на рукавах. Тот склонился в вежливом полупоклоне и, так же лучезарно улыбаясь, щегольски козырнул: «Сэ-эр...» И молниеносно щегольски же обрушил кулак на темя террориста. «Откуда у них в самолёте паровой молот, бл...», – было последней в тот день мыслью Джеймса. Причём, на сей раз сленговое слово мелькнуло в мозгу в безошибочном и полновесном виде.

Его безвольное тело под аккомпанемент объявления по громкой связи: «Господа, если в салоне есть врач, просьба, не беспокоиться!», – сволокли в подсобку.

– Танечка, где у нас огнетушитель? Если копыхнётся, что вряд ли, добавь! – проинструктировал второй пилот стюардессу и отбыл в кабину.

Очнулся Понт в сочинской психушке. И тут же вновь впал в полную протрацию, не ощутив во рту четырёх передних зубов, среди которых был и зуб с вмонтированным в него радиомаячком, на случай опасности для жизни. Не обнаружилось в карманах пижамы и мобильного. Связь с Центром была утрачена. Уповать осталось лишь на голимые, без спутников, небеса.

После бесплатного обеда, потрясшего Джеймса простотой и полезностью, шок его усугубился знакомством с двумя субчиками. Тоже в пижамах, но явно филёрами, косящими под больных. Наверняка из компетентных органов. Джеймс, делая вид, что прогуливается, изучал возможности к побегу из зарешеченного садика больнички. Его окликнули двое на лавочке:

– Эй, шпион! (Как же невыносимо быстро распространяются слухи в тесных коллективах). Третьим будешь?

Вопрошающий отвернул полу своей пижамы и показал бутылку 0,7 тёмного стекла с тремя жирными семёрками на этикетке. (Господи, им даже мой служебный код известен! Не иначе – в отделе «крот»). Откуда ж ему было знать, что бурый напиток «три семёрки», именуемый в народе «три топора», появился в России задолго до рождения Понта.

Ошарашенный полным провалом, слово «портвейн» мелким шрифтом под цифрами на этикетке Джеймс даже не разглядел. Конспирироваться далее не имело смысла. Понт выложил всё как на духу главному врачу. Тот его доброжелательно выслушал и вкатил максимальную терапевтическую дозу противобредовых психотропов.

Куковать бы ему остаток жизни в этой богадельне, поскольку работал он, как и положено секретному агенту, под прикрытием липового загранпаспорта – гражданина Республики Джибути. Врачи – не звери, сообщили в консульство африканской страны о беде с их подданным, но там от него на полных законных основаниях, с чистой совестью открестились. Хотя и мусульмане в массе своей.

Спасли Джеймса хваленые цифровые технологии. Радиомаяк был запрограммирован на автоматическое включение, не будем подбирать научные слова, буде зубы выбьют. Утраченный верхний резец, как оказалось, исправно посылал сигналы «SOS» из мусорного бака для

биологических отходов, пока не села батарейка. На счастье агента, сигнал успели запеленговать кому надо.

Через Российское бюро Интерпола коллеги разыскали сначала зуб, а затем и самого без вести пропавшего Джеймса. По поводу чего принимающая сторона замутила дружеский международный фуршет. Без галстуков и погон. Но с культурным обменом и спортивными состязаниями. Первое вылилось в хоровое исполнение шлягеров «Ой мороз, мороз» и «Все мы живём в жёлтой подводной лодке». Второе – в неофициальный чемпионат спецслужб по стрельбе. До последнего патрона. По пустым бутылкам из табельного, личного и наградного оружия с глушителями. Из положений: «Стоя» (на карачках), «С колена» (перед унитазом) и «Лёжа» (лицом в салате).

Нет худа без добра. В больничке Джеймс посмотрел по ТВ кинокомедию «Кавказская пленница». Поразился жизненности сценария, вопреки транквилизаторам от души повеселился, и заодно узнал, что скрывают русские под фразой «выбросить в пропасть».

Руководство Интерпола сочло результаты миссии своего агента блестящими и назначило его главным специалистом по России. Даже не пожурilo за беспрецедентно лаконичный в истории организации отчёт об операции: «С антитеррористической готовностью в российской гражданской авиации всё ОК».

К проблемам русского психоанализа

По мере того, как развивался процесс так называемой оптимизации системы здравоохранения, врачей в сёлах не стало. Да что там врачей! Фельдшерско-акушерских пунктов – раз, два и обчёлся. А населения в глубинке, как назло, местами осталось всё ещё прилично. Кто-то держался за малую родину, пугаясь суетности уклада городской жизни, кто-то с переездом на погост тянул на генетическом энтузиазме. Так или иначе, кое-где стало зреть недовольство, Минздраву было поставлено на вид.

Ведомство реанимировало шефскую помощь города селу врачебными десантами. Едет, скажем, поезд с медиками по маршруту, останавливается на полустанках. Народ приходит: анализы простенькие сдать, ЭКГ сделать, консультацию грамотную в кои веки получить. С паршивой овцы, как говорится, хоть шерсти клок.

В таёжной Кедровке железной дороги не было, зато хорошо сохранилась амбулатория. Туда-то на автобусе и забросили как-то летом бригаду медиков из краевого центра. Аж на целую неделю. В помощь им сельсовет выделил тётку Евдоху. Выделил в качестве регистратора, диспетчера потоков пациентов и спеца по информационной работе с односельчанами.

Как в коллектив заезжих эскулапов затесался психотерапевт – одному богу известно. То ли для массовости воткнули, то ли по недоразумению. А может полагали, что к нему потянутся местные любители спиртного, наслышанные о чудодейственности психотерапии в решении такого рода проблем.

Врач молодой, серьёзный, с амбициями. День сидит на приёме – никого. Второй – никого. На третий разнервничался, не выдержал, в регистратуру быстрым шагом входит:

– Что-то пациенты ко мне не идут! У ЛОРа – полно, терапевт от наплыва стонет, а у меня – ноль! Может, реклама не прошла? А, Евдокия Ивановна?

– Чегось? – не поняла статистик-медрегистратор. – Кака така реклама?

– Я говорю, народ слышал-то хоть, что я приехал? Приём веду...

– Эвона чего... А то как же! Прошёл слушок-то, прошёл... А то как же! У нас тутова с энтим строго! – заверила Евдокия Ивановна.

– Господи! Да если бы не разнарядка Минздрава! Видели б вы меня тут!.. – воскликнул психоаналитик и вон из регистратуры выбежал...

В поздние сумерки тётка Евдоха, как есть она статистик болячек, имеющих в посёлке хождение, созвала «тайную вечерю».

– Надобно помочь бы человеку, – говорит она кворуму. – Гость всё-таки. И нервы, по всему видать, ни к чёрту!..

Зашумел бабий сход: отчего же не пособить! А с чем к нему ходят-то, к психоаналитику? С какими хворями он управляться мастер? На что жалобы предъявлять?

На то у тётки Евдохи краткая медицинская энциклопедия припасена была...

Назавтра в кабинет психотерапевта постучали. Опираясь на клюку, вошла бабка Матрёна. Поздоровалась, тяжело опустилась на стул.

– Тревожусь я, милоч, – начала без околичностей.

– Так-так... – заинтересовался спец.

– О прошлом годе... картошка у нас, милоч, уж больно хилая уродилась. Вот, скажи, меня думка-то и держит – как оно в энтот-то году обернется?..

Азартный огонёк в глазах эскулапа стал угасать.

– Что ещё? – сухо спросил он.

– Мнительной я чегой-то стала, – вздохнула бабка. – Вот оно как!

– Так-так... И в чём это выражается? – вновь оживился психотерапевт.

– Надись, по радио, к пенсии прибавку обещали. Мнится мне, прибавки той – шиш, да кукиш с маслом сызнова выйдет. Вот помяни моё слово!..

– У вас всё? – опять поскуучнел психотерапевт.

– Как же энто всё-то! Энта ещё у меня... Как её...

Бабка Матрена закопалась в носовом платке, связанном в маленький узелок. Наконец, развязала. Там, среди нескольких мятых мелких купюр, обнаружился листок из ученической тетрадки, на котором крупными печатными буквами было начертано одно слово. Врач без труда разобрал его с другого края стола.

– Так что там у вас?

Бабка Матрёна отнесла бумажку подальше от глаз, насколько хватило рук.

– Депрессия, милоч. Она, окаянная. Замучила совсем, прямо проходу не даёт! Чисто ревматизм какой...

Азартный огонёк в глазах эскулапа погас окончательно...

На другой день психоаналитик появился в амбулатории поздно утром, когда солнце жарило уже вовсю, и берег местной речушки стал заполняться ребяtnей. Явился в шортах, шлёпанцах, с полотенцем подмышкой. Весёлый, в хорошем настроении.

– Евдокия Ивановна! Я – на пляж, позагораю. А то что же мне – всю неделю в кабинете париться? Если что, пришлите за мной кого-нибудь, ладно?

– Обязательно, а то как же! Не беспокойтесь! Внучок мой, Васька, такой башибузук шустрый, спасу нет! Зараз на мопеде примчится, если что...

Тётка Евдоха проводила командировочного до калитки палисадника, выждала, пока тот отдалится.

– Слава тебе, господи! Помогло, значит. Молодец Матрёна! Поговори с человеком – ему и полегчает! – вполголоса сказала она и перекрестила психоаналитика вслед.

Ушлая личность

В газете «Культура» от 15—21 января 2016 года появилась статья: «Я спросил сегодня у менялы...» Цитата из вреза: «55 лет назад, в январе 1961 года, в СССР стартовала денежная реформа – с монет и купюр исчез один ноль. Однако в ходе деноминации возникли лазейки, которыми воспользовались различные ушлые личности. Осведомлённые граждане еще в 1960-м принялись массово скупать медь – монеты достоинством в одну, две, три копейки. Ведь после реформы они сохраняли номинальную стоимость, то есть де факто дорожали в десять раз». Тут-то мне и вспомнилась эта история.

Не дай вам бог жить в эпоху перемен – гласит китайская мудрость. Фёдору Нетужилкину бог дал, когда ему катил уже тридцатник. Ну, вы помните – «перестройка» и всё последующее...

Какое-то время семье Фёдора пришлось перебиваться с кваса на воду. Постепенно, под знамёнами свободного рынка, Нетужилкины научились перебиваться с «колы» на минералку, что социального статуса в целом не меняло. Всему виной было законопослушание, ошибочно привитое ему родителями, а как известно, законопослушание и достаток – ипостаси на Руси крайне редко пересекающиеся. Короче, когда сказки про светлое будущее для всех вдруг дьявольским образом обратились в сказочное настоящее только для самих сказочников, Нетужилкин простился с иллюзиями, стал напряжённо искать пути внезапного обогащения, и таки нашёл!

Ещё в детстве маленького Федю, обожавшего газировку с сиропом за алтын из автомата, потрясла полумифическая история о некой одинокой прозорливой старушке, догадавшейся перед денежной реформой 1961 года скопить три мешка медных монет. По условиям реформы, владелец двадцатикопеечной монеты получал взамен двухкопеечную нового образца, счастливый же обладатель десяти старых двухкопеечных монет оставался не только при своих, но и в десятикратном выигрыше. Прикиньте, как мальчик Федя завидовал хитрой старушке.

Из-за инфляции – верной спутницы общественно-экономических потрясений, Нетужилкин давно получал зарплату «лимонами» (т.е. миллионами рублей). В тогдашних, один за другим меняющихся Кабинетах министров далеко не каждый чиновник представлял, как одним словом обзывается количество нулей в числах статей государственного бюджета. Призрак очередной неминуемой деноминации бродил по России. Если вовремя спохватиться, и без шума подсуетиться, мыслил Фёдор, то прикопить три мешка копеек при миллионных заработках... Плёвое дело. Так исподволь, шутейная, казалось бы, идея обретала очертания сверхценной идеи.

Фёдор не только перестал выбрасывать на тротуар копеечную сдачу, не ленился попутно поднимать и чужую, но и целенаправленно менял некрупные купюры на металлическую мелочёвку. Складировалось сокровище на дачном чердаке втайне от всех домашних. Мыслился сюрприз.

С наполнением первого потаённого мешочка Фёдор обеспокоился. Случись деноминация сейчас, как обидно встретить её, скажем так, не во всеоружии! Но время шло, капиталец в весовом отношении заметно рос и ныкать на даче «сбережения» становилось всё рискованней.

Наступила глубокая осень, дачный сезон сворачивался, резонов ездить за город не стало, а о реформе ни гу-гу!.. Оставлять богатство на зиму на даче (при полном бомжовом беспределе и не менее полном попустительстве правоохранительных органов) было бы верхом неосмотрительности. Ненастной ночью, в одиночку (под предлогом дополнительной проверки консервации дачного домика на зиму), на стареньком семейном авто Фёдор вывез с дачи увесистые мешочки. И утопил на мелководье в ближайшем к дому городском прудике. «Сволочи!.. Скоты

зажравшиеся!...», – безадресно, но злобно шептал он в темноту, стараясь без лишнего плеска опускать за борт надувной лодки бесценный груз. Пометил место самодельным бумом из пластиковой бутылки. Типа, мусор плавает.

Гуляя следующим днём по набережной, Фёдор дивился гениальности найденного решения. Свинцовая водная зыбь надёжно скрыла клад от посторонних глаз. Отследив, с приходом зимы, ледостав, он прекратил ежедневные обходы заветного водоёма и стал ждать.

Деноминация грянула так же неожиданно, как и всё в Отечестве, начиная с ежегодных снегопадов. Весть застала Нетужилкиных за завтраком, с экрана кухонного телевизора. Не доев бутерброд, под недоумение домашних, Фёдор суетно, ни слова не говоря, засобирался в гараж. Запустив с помощью молитв и проклятий двигатель, побросал в багажник рыбацкий бур, ледоруб, складной багор и подводный фонарик, выехал...

На берегу Фёдора чуть удар не хватил. Аккурат над местом затопления клада была прорублена большая прямоугольная полынья, которая кишела «моржами». Потеряв рассудок, с криком: «А ну, не нырять!...», – Фёдор, как был в одежде, сиганул в прорубь. Где и затеял потасовку с поспешившими вплавь ему на помощь моржающимися гражданами. Откуда и был доставлен в отделение милиции по факту мелкого хулиганства. Откуда и был препровождён в психиатрическую лечебницу. По причине неадекватности, агрессивности и некритичности поведения. Где и был помещён в отделение для буйнопомешанных. Где и был упелён в спец. бельё, ибо тарзаном бросался на решётки в оконных проёмах и с воплями: «Выпустите меня отсюда!», – тряс их нещадно...

Очнулся Нетужилкин уже без смиренной рубахи в так называемом полубеспокойном отделении. Уроки дюжих санитаров пошли Фёдору на пользу. В палате он был тише воды, ниже травы. И только в беседах с лечащим врачом Фёдор срывался и горячечно молил: «Выпустите меня, пожалуйста! Я вам денег принесу! Мешок!...»

Мало-помалу доктора и уколы сделали своё дело – перевели полубеспокойство в заторможенность. И в начале лета Фёдор был выписан на амбулаторное долечивание. Больным «учётным», но с улучшением. Кто поспорит, что лекарственный ступор – это ухудшение?

Дома Нетужилкина встретили настороженно (хотя виду не подавали), и с оттенком лёгкого испуга. Обнаружив покладистость в исполнении подаваемых команд, успокоились. Обильные чаепития и свойские харчи быстро снизили концентрацию в крови успокаивающих препаратов. Не прошло и недели, как Фёдор произнёс первую осмысленную фразу:

– Фонарь подводный цел? – спросил он.

Зинаида невзначай всплакнула и весь день была с мужем особенно предупредительна. Вечером он исчез.

Нашли его утром у пруда. Фёдор сосредоточенно копался в приличной куче ила и тины. На хилой волне, рядом у берега, покачивалась резиновая лодка...

Повторной госпитализации Нетужилкина в полубеспокойном отделении ничуть не удивились. Психиатрия прекрасно способна глушить симптомы душевных расстройств, но бессильна против их причин. Единожды сюда попав, клиент, за редкими исключениями, становится навсегда заведения.

Болезнь его, меж тем, претерпела заметную метаморфозу. Он стал вял, молчалив, апатичен. От былой тревожности не осталось и следа. Консилиум перевёл его в отделение мягкого режима, где психотерапевты сразу взяли Фёдора в оборот, пытаясь вернуть ему живость восприятия окружающей действительности. Пару месяцев спустя, опираясь на две древние истины – что отсутствие ухудшения на фоне лечения трактуется как успех, и что отрицательный результат в науке тоже результат, другой консилиум постановил: Фёдора, как не представляющего социальной опасности, выписать домой. На всякий случай снабдив его десятидневным больничным листком.

С госпожой Нетужилкиной, перед вручением ей Фёдора, в очередной раз побеседовали, дав рекомендацию активнее вовлекать его в повседневные хлопоты. Медицинский эффект трудотерапии давно снискал всеобщее в мире признание.

После семейного обеда, носившего некоторые признаки праздничности, Зинаида долго не решалась ничего сказать. Мыла посуду, поглядывала на мужа, по-прежнему тупо сидящего за уже убраным столом.

– Федь, сходил бы за хлебом, а? – наконец почти заискивающе произнесла она.

Фёдор молча согласился.

– Вот... Возьмёшь батон и буханку чёрного, – положила она перед ним несколько бумажных десятков.

– А мелочь есть? – хрипло спросил Фёдор.

– Ой, да полно! – посыпались на стол вытряхиваемые из кошелька монеты.

Фёдор брал каждую в отдельности, внимательно рассматривал и клал рядом, по номиналу.

– А что, старые копейки не в ходу? – в горле у него совсем пересохло.

– Старые? Да мы уже забыли, как они выглядят! Все, до последней копеечки, новые!..

Фёдор мелко затрясся, на лицо стала наезжать гримаса то ли сардонического смеха, то ли младенческого плача. Зинаида побледнела. Хохот, рыдания, всхлипы фонтаном ударили из Фёдора.

– Сволочи!.. Скоты зажавшиеся!.. – колотил он кулаками по столу.

– Да кто, Федя? Кто, миленький?.. Кто?.. – прижимала Зинаида к груди голову мужа.

К вечеру истерика стихла. Катарсис принёс глубокий сон, однако утром, с первыми аккордами государственного гимна из кухонного динамика, Фёдор вскочил.

– Ты куда? – поднялась на локте бдительная жена.

– Как это куда? На работу!

– Рано тебе ещё на работу, Федя!

– Какой – рано! На часы посмотри! А ты сама-то что? Во вторую сегодня, что ли?..

Наскоро попил чаю, сунул в кейс бутерброды, обыденно чмокнул в дверях напряжённую супругу.

– Расслабься, мать! Всё о'кей! Кстати, больничный мой где? В обед забегу в поликлинику, закрою...

С тяжёлым сердцем Фёдор подходил к проходной родного НИИ. Полгода носа не казал. Пустят ли? Пустили.

– Фёдор! – окликнули на этаже. – Где тебя черти носят? Со вчерашнего дня обыскались! Шеф злой, тебя требует! И это... В бухгалтерии премию за прошлый год дают! Сечёшь?

Деньги – это святое! Но начальство лучше не злить.

– А, Нетужилкин... – махнул рукой шеф из-за стола и, не предлагая сесть, перешёл к сути. – Документация по рацпредложению Иконникова, кажется, у вас?

– Ну, в общем-то...

– Так, и каково ваше мнение?

– Ну... Пока не совсем определённое...

– Ясно. Определитесь – пулей ко мне! Дело безотлагательное. На раздумья – не больше месяца, на крайний случай – два, от силы – три. Всё, работайте!..

Деликатно закрыв за собой дверь, Фёдор помчался в бухгалтерию.

У себя в лаборатории неторопливо изучил новые дензнаки, разложил на две неравные кучки. Одну, побольше, завернул в газету и спрятал в портфель. Другую определил в нагрудный карман пиджака. Вспомнил о больничном. Несколько раз перечитал диагноз.

– М-да!.. – резюмировал он.

Клочки бумаги полетели в корзину для мусора.

Не дожидаясь обеденного перерыва, спустился вниз, шмыгнул мимо вахтёра на волю.
«Всё! Шиздец! Пора браться за ум!», – подумал Фёдор и бодрым шагом направился в сторону ближайшего обменника.

Самоубивец

В тот день Васин опять поцапался со своей Клавкой. Крепко поцапался, катастрофически. Можно сказать, смертельно. Можно сказать, последний раз в жизни. Так он решил. Поскольку поцапался-то он с Клавкой, которая после ссоры свинтила с сыном Петькой на дачу к маме, но ненавистен был весь мир. Родные и близкие, дальние и не очень, а также прошлое и настоящее. И только будущее... Будущее согревало яркими картинками всеобщего раскаяния и прозрения. Стоит только умереть. Парадокс: это при жизни ты всем помеха и докуча, но стоит только умереть, и... Вот она – всеобщая любовь! Навзрыд! На разрыв, можно сказать, сердца. «Я им устрою дачный сезон! Они у меня попляшут на поминках!», – мстительно разогревал фантазию Васин, обедая.

Вот все они разом осознали, как бесповоротно были не правы. Стыдятся посмотреть друг другу в глаза. А он лежит... суровый и отрешённый, в накрахмаленной белой рубашке, и, стиснув зубы, принимает поцелуи в лоб. А они все убиваются, убиваются... И пуще всех – Клавка. Дура-баба! Счастье, можно сказать, в руках держала. Можно сказать, почти каждый день имела. Не уберегла! Теперь вот воет на его холодной груди... Мешает Васину из-под полуприкрытых век разглядывать носки новых лакированных штиблет. Которые, кстати, так и не были ему куплены к двадцатисемилетию. Не подумайте, что совместной жизни...

Через край миски Васин всосал в себя полезный, как считают диетологи, овощной сок от съеденного огуречно-помидорного крошева, посозерцал пустую посудину, подошёл к холодильнику и в сотый раз убедился в отсутствии там невесты откуда взявшейся колбасы. «Баста!» – окончательно решил Васин. «Ну, всё! Запомнят они у меня это лето!.. Тёща с тестем в том числе...»

И стал перебирать возможные способы расплестись с жизнью. Утоплюсь! «Это с разрядом по плаванию? Не гневи бога, Васин!», – съехидничал внутренний голос. Тогда, повешусь! «Ф-фу, как не эстетично!», – скривился тот же собеседник. Застрелюсь! «Из чего? Из Петькиной рогатки?», – усмехнулся незримый визави. Васин не сдавался. А не отравиться ли? А что! Пожалуй, вариант. И для семейного бюджета необременительно. Ни тебе на водолазов тратиться не надо, ни на гримёров. Тень жертвенности мелькнула на челе Васина. Вот он какой – Васин! Каждую копейку – в дом. А эта Клавка!..

Деньги на дорогу взял из семейной заначки, хотя Клавдия предупреждала, что убьёт, в случае чего. Ну и пусть убивает. Снявши голову, по волосам не плачут – рассудил Васин. Раз всё едино – не жилец.

Полчаса в пригородном автобусе – и вот Васин на городской свалке. Где ж ещё добропорядочному гражданину в современном мире легально какой-нибудь отравой разжиться? Не в аптеке же! Хотя...

Прямо от остановки (с по-военному грозным названием «Полигон») змеилась очередь. У ближайшей мусорной кучи стояла фанерная будочка с окошком и вывеской «ОАО БОМЖ и БОПП».

– Что дают? – поинтересовался Васин.

– Как это что? Лицензию на посещение.

– Посещения чего? – удивился Васин.

– Свалки, мил человек. Впервой, что ли? – повернулся к Васину доброжелатель из очереди.

– А без лицензии нельзя? Забора же нету, – продолжал недоумевать Васин.

– Можно. Можно и без лицензии. Аборигены обожают безбилетников. По башке чем-нито тюкнут и будешь гнить вместе с помидорами в какой-нибудь куче. «И никто не узнает, где могила твоя». Бизнес есть бизнес...

Васин пристроился в хвост очереди и стал изучать окрестности. Внимание его вновь привлекла вывеска на будке.

– Извиняюсь, – адресовался он к впереди стоящему. – Насчет БОМЖа я в курсе, а вот БОПП?..

– Это, мил человек, Без Определенных Продуктов Питания переводится, – охотно поделился какой-то завсегдатай. – Местные остряки, правда, переводят как Бог Опять Пожрать Пошлёт... Ну, да им виднее!..

В окошке будки Васин обнаружил неожиданно юное, приятно расфуфыренное лицо.

– Вам в зону человеческих отбросов, или промышленных? – спросило лицо.

Васин растерялся.

– Мне бы чего съестного... если можно...

– Значит, промышленных, – констатировало лицо. – С гидом? Без?..

– С чем, с чем? – переспросил Васин.

– Не с чем, а с кем. Провожатый нужен? Не задерживайте очередь, гражданин! – раздражилось лицо,

– Бери, братишка, не скупись, – посоветовали сзади. – Это у них недорого. А то жмоты потом здесь неделями аукаются...

Сразу за будкой к Васину подошел человек в белой сорочке с бабочкой, в трикотажной шапочке из штанины кальсон бывшего «упоительного» голубого цвета, зелёных спортивных шароварах с красными лампасами, чёрных войлочных ботинках типа «Прощай молодость». Человек протянул руку. Васин хотел её пожать, но тот презрительно её отдернул.

– Вашу лицензию, – сухо сказал он.

Изучив квиток, надорвал его и бросил в грязь.

– Гуманитарное общество «Ариадна и сыновья» приветствует вас. Чего надо?

– Травануться хочу! – выпалил Васин.

– Понятное дело, – бесстрастно отреагировал тот.

– Только эта... Не сразу чтоб, незаметно... Без агонии, желательно. И эта... по возможности, приятно...

– Сейчас все так только и травятся, – высказал давнишнее наблюдение гид. – Пойдём, что ли?

Шли всего ничего. Гора картонных коробок, из-под которых начало уже подтекать, пестрела надписями по не нашему.

– Налетай, навались! Жарь, парь, ешь и травись! – саркастически прорекламинировал гид.

– А что там, в коробках? – спросил Васин.

– Бельгийские куриные окорочка.

– Это которые с диоксином? – выказал Васин осведомлённость.

– С ним самым, – кивнул провожатый. – А ещё с антибиотиками, гормонами, консервантами, улучшителями вкуса, цвета и запаха. И ещё с какой-то хренью, что сразу и не выразишь.

– А как с ПДК обстоит?

– Во клиент пошёл! – восхитился гид. – Даже про предельно допустимую концентрацию знает! С ПДК, братишка, тут всё нормалёк! Превышение в тыщу раз. Фирма гарантирует! Санэпиднадзор потому партию и забраковал для открытой продажи. Кто из торгашей втихую толкнуть товар не успел, тех, при большом стечении журналистов, заставили к нам его свезти. Показательная акция.

– Пожалуй, сгодится, – сказал Васин. – А чего-нибудь покруче, случаем, нет?

– Есть и покруче, отчего ж не быть!? – гид был сама услужливость. – Лицензионникам везде у нас дорога, лицензионникам везде у нас почёт!

Через полчаса они оказались у разгружающегося автотрейлера.

– Вот, свежак! Прямо с таможни. Тайландские куры, целиковые, – отрекомендовал гид.
– А с ними что? – спросил Васин.

– Коровье бешенство через подкормку подхватили. Ага! На людей, по «ящику» передавали, стали стаями бросаться. Причём, не заклевать старались, а забодать. Для усмирения поголовья, говорят, пришлось армию вызывать. По слухам, были жертвы.

«Среди поголовья?», – чуть было не сглупил Васин, но успел спохватиться.

– Не... Это мне не подходит, – отверг он, вспомнив, как однажды с перепоя палёной водкой за соседом гонялся. С дрыном и с нехорошими намерениями. Сраму-то было, сраму... Клавка потом рассказывала.

На обратном пути к бельгийской отраве провожатый предложил:

– На десерт чего-нибудь прихватишь? Как раз мимо проходим. Трансгенные фрукты-овощи. Слышал, небось?

– Доводилось. Сейчас недели не проходит, чтобы в телеке об этом не жужжали.

В большущей коробке лежала одна-единственная жёлтая тыква, оказавшаяся, при ближайшем рассмотрении, громадным яблоком сорта «Голден».

– Только, слышь... Со склонностью к запорам, не рекомендуется, – предостерёг экскурсовод.

– Это почему ж?

– Плод, видал, какой вымахал на чужеродных генах роста? Ну и молекула витамина прёт соответственно... Организм с непривычки пугается, ну и не принимает. Не в состоянии, видать, переварить. Они на выходе и застревают, витамины-то...

– А что, уже пробовал кто?

– Да мы здесь, почитай, уж третий год их едим, – проинформировал гид и, прочитав сострадание в глазах Васина, резюмировал. – Нам всё одно помирать...

Доверху нагрузив прихваченную из дома хозяйственную тележку, Васин собрался прощаться.

– Эй, а жарить на чём будешь? – напомнил провожатый.

– Ах, мать твою пять!.. – спохватился Васин.

Янтарная гора пластиковых бутылок с импортным растительным маслом впечатляла.

– Вот. Вчера только вывалили, бери, пока другие живоглоты не расхватали.

– Тоже с диоксином? – спросил Васин.

– Ага, и с нитратами вдобавок. И с пестицидами. Полный комплект.

– А точно они там есть? – усомнился Васин.

– Было б не точно, на Западе сами бы сожрали, – по-народному мудро рассудил отпрыск Ариадны.

Дома Васин нажарил целый тазик окорочков. Пустую коробку определил на видное место. Так, чтобы жёлтый цыпленок на этикетке с надписью: «Белджиум» – поневоле бросался в глаза. Сел за стол и, после внимательного изучения выходных данных продукта, на заготовленном листе бумаги крупно написал: «В моей смерти прошу винить Антверпенскую птицефабрику № I Королевства Бельгии. Васин».

«Эх, жаль – пивка на химическом солоде из нефти не прихватил! Быстрее б дело пошло», – подумал он и с наслаждением вонзил зубы в румяную корочку...

Пиршество было в самом разгаре, когда щёлкнул замок входной двери.

– Васин! Неужели получку дали? – учуяв жареное, крикнула Клавка прямо из прихожей. Васин участил темп жевательных движений.

– Порезе мечи-то... Не один живёшь! – появилась она на кухне с полными сумками дачной зелени. – Ишь, костей-то наглодал!

Тут взор её пал на коробку. Она побледнела. Клавдия тоже смотрела телевизор.

– Коля... – упавшим голосом назвала она Васина по имени – верный признак безоговорочной капитуляции. – Коля! Зачем ты, Коля!..

Васин посуровел лицом и отвернулся к стене. Но жевать не перестал.

– Коля! Не надо, Коля! – взмолилась Клавдия и вцепилась Васину в руку, когда та была на полпути ко рту.

Какое-то время шла нешуточная борьба, наконец, любовь победила (она всегда побеждает). Васин с негодованием швырнул всё же укушенную куриную ногу обратно в тазик.

– Гос-споди, отравиться по-человечески спокойно не дадут! – сквозь зубы процедил он...

Поздно ночью, устроившись головой на плече мужа, Клавдия гладила грудь Васина, шептала жарким шёпотом:

– Туфли те... чёрные, помнишь? Ну, лаковые, какие ты хотел... Мама ведро смородины продала и наказала: купи, говорит, зятюку... Негоже, говорит, такому видному мужику в расхотышках щеголять!.. Коль, а Коль!.. А ты много этих... окорочков-то?..

– Да есть ещё... – неопределенно ответил Васин.

– Давай мы их на помойку снесём! Прямо сейчас, пока соседи не видят! – заискивающе и одновременно напористо зашептала Клавдия.

– Пусть полежат пока... – после некоторой паузы сказал Васин.

Клавдия вздохнула и теснее прижалась к мужу:

– И что я за дура такая! Что нам до соседей. Завтра утром и снесём. Да, Коль?

«Победитель получает всё!» – пришли Васину на ум простые, но верные слова заграничной песенки.

– Там видно будет... – сказал он и, покрепче приобняв супругу, сдержанно улыбнулся в темноте.

P.S. Рассказ этот увидел свет в начале двухтысячных. А в 2017 в мировых СМИ широко комментировался скандал с куриными яйцами, производства, в частности, Нидерландов и Бельгии. Промышленные партии в десятки тысяч яиц, заражённых инсектицидом фипропилом, токсичным и для человека, были поставлены в ряд стран Европейского Союза.

Что тут скажешь. Похоже, русская поговорка – всё полезно, что в рот полезло – теряет актуальность. А человечество в будущем поджидает ещё много гастрономических сюрпризов.

Курьёзы гипноза

Слух о гастролях артиста оригинального жанра краевой филармонии – набирающего популярность гипнотизёра-фокусника, обогнал афиши на целый месяц. Билеты были распроданы с аншлагом. Вася Пистонов давно мечтал побывать на таком представлении. Причём, хотелось не только посмотреть, как происходит гипнотизация, но и стать участником шоу. Чтобы прочувствовать на себе загадочную и неодолимую, в чём-то фантастическую, как доносила молва, силу гипноза. С этой целью он даже загодя «подковался». Простудировал кипу популярной литературы по вопросу.

Из книжек были почерпнуты следующие постулаты. Так, известно, что люди в разной степени восприимчивы к гипнозу. Чтобы ненароком не опозориться, эстрадные гипнотизёры сначала проводят на добровольцах тесты на внушаемость. Отбирают несколько персон, которые быстро способны погрузиться в гипнотический транс, и затем с их помощью веселят публику, внушая этим «артистам» какие-нибудь забавные, но необходимые вещи.

Выяснилось также, что в гипнозе человек способен выполнять какие-либо внушённые действия, которые не противоречат общественной морали, а также живо воспринимать внушаемые галлюцинации. К примеру, видеть несуществующие предметы, слышать в полной тишине звуки музыки, чувствовать запахи. Равно как и наоборот: не воспринимать реалии окружающей обстановки, скажем, представлять себя на берегу моря, слышать шум прибоя, находясь в меблированной комнате.

Существенной особенностью феномена является так называемая постгипнотическая амнезия. Это – когда после пробуждения от гипнотического сна, человек не помнит, что с ним происходило. Чаще это происходит по приказу гипнолога, но нередко и самопроизвольно.

Пистонов счёл эти факты достаточными, чтобы не чувствовать себя на представлении профаном.

И вот долгожданный день настал. Впечатляло уже само оглашение всех мыслимых и немыслимых, но, как водится, международных регалий заезжего чародея – Магистра Чёрной и Белой магии. Наконец, маг пригласил на сцену желающих подвергнуться испытанию. Пистонов одним из первых предложил себя в качестве подопытного кролика. К тестам на внушаемость он был готов и прошёл их без сучка и задоринки. Зря что ли в годы юные он был звездой студенческого театра эстрадных миниатюр. «Правду говорят, что мастерство не пропьёшь», – довольно подумал Пистонов, будучи отобранным в пятёрку участников действа – четверых мужчин и молодой миловидной женщины.

Когда гипнотизер ввёл одним махом всех в транс, Пистонов испытал знакомый кураж в теле, который всегда охватывал его на сцене. и небывало жгучее желание не посрамить заветов Станиславского, явив чудеса гипнотического перевоплощения. С него Магистр и начал.

Пистонов легко и артистично выполнил внушение о жарком летнем дне вкупе с желанием поесть мороженого. С тайным тщеславием он отметил оживление в зале, показав, как воображаемый пломбир, тая на жаре, закапал ему брюки.

– Так, всё! Закончили с мороженым! – гипнотизёр положил руку на плечо Пистонову. – Теперь вы – удачливый уличный воришка. Щипач экстра-класса. Стащите что-нибудь несущественное, к примеру, косметичку или мобильный телефон у прохожей девушки.

В роли «девушки» выступала ассистентка Магистра – сногшибательная блондинка в эксклюзивном сценическом наряде. Вся в браслетах, блёстках, бусах и прочей бижутерии. Согласно сценарию, на плече у неё висела зазывно приоткрытая дамская сумочка. Откуда было гипнотизёру знать, что Пистонова начальство по жизни всегда хвалило. В армии – за солдатскую смекалку и инициативу. В студенческом театре – за талант к импровизации.

Фраза-внушение о том, что Пистонов – классный щипач, ещё висела в воздухе, как лицо его вдруг побагровело, левой рукой он рванул ворот рубахи, из груди его исторгся приглушенный хрип. «Сердце... Сердце прихватило...», – прошелестело в зале. Закатив глаза и цепляясь за рукав фрака гипнотизёра, Пистонов стал медленно оседать, сползая на пол. Но Магистр не был бы Магистром, пасуй он в острых ситуациях. Срыв представления не входил в его планы.

– Всё! Жара ушла! Подул прохладный ветерок! Чувствуете? Вам лучше! Дышится легче! Элла, – обратился маэстро к ассистентке, – проводите господина за кулисы в комнату отдыха.

Пистонов заметно посвежел, с удовольствием перелёг на плечи блондинки, на вялых ногах поплёлся к кулисам. За метр до них ноги его подкосились, и он повис на шее ассистентки, пока не согнул её, как берёзку долу. Надо отдать ей должное, она не позволила Пистонову грохнуться на подмости, а плавно опустила его на пол и беспомощно посмотрела на гипнотизёра. Стреляный воробей, тот и не такие выкрутасы у истероидных личностей видывал. Суетиться не стал, а обернул всё на пользу представления.

– Вы, – притронулся он пальцем до лба дотоле безучастной молодой миловидной женщины, – врач-реаниматор! Сделайте пострадавшему непрямой массаж сердца и искусственное дыхание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.